

## ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьи Н. К. Дмитриева, Ю. Р. Гепнера, Н. А. Слюсаревой и Е. И. Шендельс печатаются редакцией в порядке обсуждения вопроса о характере курса «Введение в языкознание» (начало обсуждения см. в № 4 «Вопросов языкознания» за 1952 г.). Редакция просит читателей высказаться по данному вопросу.

Н. К. ДМИТРИЕВ

### ПОСТАНОВКА КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ» В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВУЗАХ СССР

Труды И. В. Сталина по языкознанию произвели коренной переворот как в самой этой науке, так и в практике ее преподавания. В соответствии со сталинскими установками были заново пересмотрены и полностью переработаны программы по курсу «Введение в языкознание», принятые в наших университетах и педагогических институтах. Однако в ожидании новых пособий, которые пока еще не появлялись<sup>1</sup>, преподавание этой дисциплины может опираться только на учебные руководства, изданные еще до 1950 г. Здесь, если откинуть руководства явно марристского типа, речь может идти о пособиях, написанных в разное время В. А. Богородицким, Д. Н. Ушаковым, А. И. Томсоном и В. К. Поржезинским, книга которого, выдержавшая 4 издания, была особенно популярна в московских вузах; работы И. А. Бодуэна де Куртенэ и некоторых его учеников, равно как проф. Д. Н. Кудрявского и других, были, пожалуй, менее популярны. Наибольшее распространение в советское время имела книга Д. Н. Ушакова.

Конечно, пользоваться в наше время работами названных лингвистов можно только с большой осторожностью, но, кроме затруднений чисто теоретического характера, преподающему (и изучающему) курс «Введение в языкознание» по этим пособиям придется столкнуться еще с одним осложнением, зависящим от характера того фактического языкового материала, который привлекался авторами для подтверждения их основных теоретических положений. Ни для кого не секрет, что источником «примеров» для авторов неизменно служил один из следующих языков: санскрит, древнегреческий, латинский, старославянский, готский, новый романско-германский язык и, только в известной степени, русский. Когда студенты-филологи так или иначе знали, кроме русского, классические (греческий и латинский), новые романско-германские и, пожалуй, старославянский языки, тогда известную трудность представляли для них только

<sup>1</sup> Статья написана до выхода в свет пособий по курсу «Введение в языкознание»: А. С. Чикобава, ч. I курса (на русск. яз.); его же: полный курс (на груз. яз.); Э. Б. Агаян, полный курс (на арм. яз.). — *Ред.*

санскрит и готский, которых они не могли изучать в средней школе и с которыми встречались уже в университете. Для таких студентов названные курсы «Введения» в какой-то мере были доступны.

Как же обстоит дело теперь? Большинство студентов даже русской национальности не изучает древнегреческий и латинский, поэтому примеры на этих языках (да еще если учесть, что другая часть примеров дана на санскрите, готском и старославянском языках) превращают для русских студентов, не говоря уже о студентах других братских национальностей, пособия Поржезинского, Томсона и др. в какое-то «чудище обло», способное только разочаровать молодого человека и отпугнуть его от такого по существу увлекательного предмета, как советское языкознание.

Наблюдения над тем, как преподается «Введение в языкознание» в союзных и автономных республиках, всецело подтверждают наши опасения. В узбекской, азербайджанской, туркменской, казахской, киргизской, татарской, башкирской, хакаской, якутской и других аудиториях этот курс преподается скучно, непонятно. Важное дело превращается в гнетущую проформу, от которой студенты сбежали бы, если бы это не было «так неудобно». Можно привести много примеров, подтверждающих этот факт.

Какой же может быть выход из создавшегося положения? Он, как нам кажется, заключается в следующем. Необходимо освободить курс «Введение в языкознание» от монополии романо-германистики и перестроить его в союзных и автономных республиках СССР так, чтобы в основном он иллюстрировался примерами из языков народов этих республик. Ведь все положения современного советского языкознания могут быть прекрасно подтверждены фактами из родного языка учащихся. А если так — все будет понятно, увлекательно, интересно. Исчезнет всякий намек на механическое зазубривание, наоборот: слушатель привыкнет смотреть на свой родной язык по-новому — более глубоко и разносторонне. И за это «прозрение» он сторицей вознаградит своего преподавателя-языковеда: сколько нового, неизвестного лингвистического материала получит этот последний! И какими убогими и трафаретными покажутся ему единичные примеры из «восточных языков» (иногда и неверные), которые приводят старые пособия! Нам кажется, что внесенное нами предложение действительно способно оживить преподавание языкознания и поднять его на соответствующую современным требованиям высоту.

Итак, мы предлагаем построить дифференцированный курс «Введение в языкознание», т. е. дать национальные варианты этого курса для национальных вузов: тюркский (для «тюркоязычных» республик и областей СССР), финно-угорский, иберийско-кавказский, северный и другие по числу главнейших языковых групп. При этом необходимо, чтобы не столько основное изложение, сколько иллюстративный материал книги (примеры) был представлен именно на языках данной группы и, само собой разумеется, на русском языке, значение которого для наших республик теперь уже не нужно доказывать.

А как же быть с вариантами курса, основанными на санскрите, античных и романо-германских языках? Их можно было бы оставить для таких вузовских аудиторий, для которых эти языки доступны. Мы имеем в виду педагогические институты иностранных языков и, может быть, отдельные студенческие группы МГУ и ЛГУ. Для нас также совершенно ясно, что необходимо иметь русско-славянский вариант курса.

Возможно, что некоторые частные замечания, высказанные нами, встретят возражения, тогда их надо обсудить, но центральная мысль этой заметки кажется нам настолько несомненной, настолько аксиоматичной, что мы позволили себе обратить на нее внимание читателя.